

П. И. Мельников-Печерский

Бабушкины рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М48

Мельников-Печерский П.И.
М48 Бабушкины рассказы / П. И. Мельников-Печерский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 36 с.

ISBN 978-5-4241-2588-1

Творчество самобытного русского писателя Павла Ивановича Мельникова (Андрея Печерского) знакомо широкому читателю по его романам "В лесах" и "На горах". Менее известны его ранние рассказы и повести, в которых автор обнаружил себя знатоком жизни разных сословий дореформенной России

ISBN 978-5-4241-2588-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Бабушка Прасковья Петровна Печерская кончила жизнь далеко за сотню годов от роду. На старости лет хватила старушка греха на душу — молодилась. Бывало, бабушке все восьмой десяток в доходе. Лет двадцать пять доходил — так и не дошел.

Бабушка Прасковья Петровна на самом-то деле была мне прапрабабушкой, да мы все ее бабушкой звали. И это старушке нравилось.

Спросишь, бывало:

— В котором году родились вы, бабушка?

— А вот уж года-то, топ ссег,¹ и не упомню, — ответит. — Да ты считай: покойница матушка принесла меня в самый тот день, как на Охте попа жгли. Привозил того попа в Петербург князь Дундук, а князь Дундук в ту пору был еще некрещеный, и тот поп был у него самый набольший: по-нашему архиерей, по-ихнему, по-калмыцки, чурлама. Он в Петербурге возьми да и помри, а по калмыцкому закону мертвого попа надо жечь. Ну и сожгли. Весь Петербург тогда на Охту высыпал: всякому лестно было поглядеть, как попов жгут. И батюшка с матушкой, дай бог им царство небесное, ездили. Матушку-то в народе и помяли: как приехала домой, так меня и принесла... Так-то, Андрюша!.. Ты знал ли, голубчик, что я недоносок?

— Бабушка! да ведь этому больше ста лет.²

— Полно-ка ты, — заворчит бабушка, — молод еще надо мной смеяться!.. Сто лет!.. Эх что сморозил!.. Перекрести лоб-от, опомнись... Семьдесят восемь либо семьдесят семь — это может статься, а ты уж гляди-ка что махнул!.. Сто годов!.. Прошу покорно!..

И пойдет, бывало, ворчать бабушка, но не надолго: добрая была старушка и меня очень любила. С малолетства был я ее баловнем. Меня, бывало, так и звали: бабушкин внучек да бабушкин внучек. И она очень это любила.

Глуха под старость стала и видела плохо, но память сохранила редкую. И, как часто бывает с людьми преклонных лет, хорошо помнила только время молодости. Как начнет, бывало, свои рассказы про времена елизаветинские да екатерининские — все до подробности расскажет, а французского погрому не помнила, хоть и вывезли ее из Москвы за пять часов до вступления Наполеона и она, крестясь и глухо рыдая, всю ночь проглядела из подмосковной на страшное зарево славного пожара.

— Как же это вы забыли, бабушка, как Наполеон-от в Москву приходил? — спросишь, бывало, ее.

— Нет, милый Андрюша, не припомню. Не припомню, родной... И долго жила на Москве, а такого не помню... Да кто он такой был? По прозвищу из чужестранцев, должно-быть?

— Француз, бабушка.

— Француз!.. Нет, моя радость, такого не помню. И хватать не хочу. Много ведь французов-то тогда на Москве проживало... Да он кто таков? Танцовщик аль гувернер, может статься?

— Император, бабушка.

— Император!?. Как так император?.. Какой?

— Император французов, бабушка.

— Перестань, Андрей!.. Грех над бабушкой смеяться. Господь счастье отнимет... Смотри-ка, что вздумал. Нашел у французов императора!.. А еще учишься!.. Нехорошо... Императоров, *mon œuf*, во всем свете только двое — наш да еще римский; салтан турецкий тоже в ранге императора состоит, только не совсем, для того, что некрещенный. А у французов, *mon œuf*, король, *roi de France et de Navarre*.³ Да... Как нынешнего-то зовут? *Louis seize* все еще царствует, аль дофин воцарился?

— Эх, бабушка, чего хватилась! Да теперь уж лет пятьдесят, как Людовику головку срубили.

— Жалею, очень жалею. Бесподобный был король и к нам всегда был расположен. *Mon cousin*, князь Свиблов, при нашем резиденте в Париже находился и рассказывал про *Louis seize* очень много хорошего. "*Il ne parle jamais de notre impératrice, — говаривал mon cousin, — que dans les termes du plus profond respect et de la plus haute estime*".⁴ Потому и жалею его. Только ведь он был такой миролюбивый; с кем же это он воевал? С гишпанским, полагаю.

— Ни с кем, бабушка, не воевал.

— *Il est tue*,⁵ — ты сказал.

— *Tue-to tue*. Да не на войне, а на эшафоте.

— Послушай, Андрей! Ты, должно быть, мартинист... Нехорошо, милый, очень нехорошо! Уж ты с Лопухиным⁶ не знаешься-ли?.. Смотри, *mon œuf*, не опечаливай бабушку: мало-ль что может случиться! Долго-ль к Шешковскому⁷ в лапы попасть?.. А у него, *mon pigeonneau*,⁸ еще милость божия, как только посякут — это еще ничего, примочил арникой и вся недолга, — а неровен час... хуже бывает... Нет, Андрюша, береги ты себя и бабушку не огорчи!.. И об чужестранных королях всегда говори с уважением... И какие ведь ты, в самом деле, несодеянные вещи говоришь: и король-от на эшафоте, и французский-то император в Москву приезжал... Стыдно, *mon œuf*, беспримерно как стыдно... Постой... постой, Андрюша! Вспомнила, вспомнила... Ты перепутал, радость моя!.. Точно, был на Москве император, только не французский, а римский! Жозефом звали. Видала его, голубчик, видала... На бале у главнокомандующего видела, в Нескучном — у графа Алексея Григорьяча Орлова, в Кускове — у Шереметева на празднике... Как теперь на него гляжу: черты такие тонкие, нежные. Только он сохранял самое строгое *incognito* и завсегда в трактирах да на постоянных дворах приставал. А когда у государыни в Царском Селе находился, проживал в бане. Над баней-то государыня трактирную вывеску велела повесить. Он и поверил, да так и прожил все время в бане и тем свое *incognito* сохранил... Графом Фалькенштейном прозывался, а ты и прозвище-то ему какое-то несообразное придумал... Наполеон! Что такое Наполеон?.. Таких святых и у католиков нет, не то что у нас, правоверных... Собачья кличка какая-то!.. Нехорошо, мой дружок!.. Будь умник, *mon bijou*,⁹ таких слов не говори, особенно при чужих людях... осудят... Нехорошо... Да...

Много испугала в своей жизни покойница-бабушка. До замужества жила в Петербурге, а выходила замуж не очень стара: лет четырнадцати. Была при дворе Елизаветы Петровны и Екатерины второй, жила в Москве во время чумной заразы, в Казани перед пугачевским разгромом, в Нижнем, в Архангельске, в Ярославле, в Киеве и опять по нескольку раз в Москве и Петербурге. Много видела, много слышала, больше того испытала... Что греха таить — смолоду

бабушка пошаливала... Да какая-ж молодая, светская женщина в тот век не пошаливала?.. Время было такое... А вот что странно: каждая женщина, в стары ли годы, в нынешнем ли веку, ежели смолоду пошаливает, под старость непременно в ханжество пустится, молебнами да постами молодые грешки поправить бы... За бабушкой не водилось этого.

Печать восемнадцатого века неизгладимо сохранилась на ней до самой кончины... Бывало, с грустью, со слезами на тусклых очах глядит на свою иссохшую, желтую руку, вспоминая то время, когда напудренная молодежь любовалась ее прекрасной, пухленькой, белоснежной ручкой... Лет с пятидесяти в зеркало перестала смотреться... Страшно стало постаревшей красавице взглянуть на себя. Но никогда нимало не ханжила. Напротив, от нее от первой узнал я про Вольтеру le sermon des cinquante, про Фоблаза, про la guerre des dieux.¹⁰

Впрочем, в последние годы жизни своей бабушка каждый день до обмороков замаливалась. Сотни по полторы, по две земных поклонов по вечерам на сон грядущий клала... Разыгрывалось тогда в лотерею головинское именье, бабушка взяла три билета, и ей очень хотелось выиграть Воротынец. Об этом-то она и молилась, да так усердно, что каждый раз, бывало, ее без чувств в постель уложат... Лотерея была разыграна, бабушке вынулись пустые, но она верить тому не хотела и по-прежнему молилась до обмороков о богатом Воротынце, об его садах, пристанях, картинных галереях и других богатствах диковинного имения.

Много воды утекло с тех пор, как пришлось мне бросить горсть сырого желтого песку на бархатный гроб нежно любившей меня старушки... Я был очень еще молод, когда, бывало, сидя у изразцовой лежанки, где любила греть свои косточки покойница-бабушка, слушал рассказы ее про старые годы. Не мог тогда оценить их: мимо ушей они пролетали, другие тотчас забывались.

Но теперь, когда стихли порывы легкомысленной молодости и седина начинает в бороде пробиваться, добрая бабушка, с ее сказаньями, воскресает в памяти, и люди восемнадцатого века встают передо мной, как образы какой-то знакомой, хоть и не прожитой жизни. Блеск протекшей эпохи ослепительно бьет в глаза... Все так величаво, так пышно, широко и обаятельно...

Но этот блеск — случайный, внешний.

Поднимая заповедную пышную завесу, за которую от пытливых взоров грядущих поколений хоронится восемнадцатый век, видишь душевную пустоту, царствующую над ветренным поколением, что, прыгая, танцуя, шутя и смеясь, с триолетом буриме на устах, врасплох застигнутое смертью, неожиданно для него и негаданно вдруг очутилось в сырых и темных могилах... Когда оживают в памяти рассказы милой бабушки и восстают перед душевными очами образы давно почивших дедов, слышатся: и наглый крик временщиков, и таинственный лепет юродивых, и подобострастные речи блюдолизов, и голос вечно живущей правды из-под дурацких колпаков. Слышатся амурный шепот петиметров и метресс, громкие, сочные лобзанья дворовых красавиц, рев медведей, глухие удары арапника, вой собак и сладостные созвучья итальянской музыки. Чудятся баснословные праздники, ледяной дворец Анны Ивановны, маскарад на московских улицах, екатерининский карусель, потемкинский бал, плаванье по Волге с переводом Мармонтеля, блестящая поездка в Тавриду...

Все ликовало в тот век!.. И как было не ликовать? То был век богатырей, век, когда юная Россия поборола двух королей-полководцев, две первостепенные

державы низвела на степень второклассных, а третью — поделила с соседями... Полтава, Берлин и Чесма, Миних в Турции, Суворов на Альпах, Орлов в Архипелаге и гениальный, неподражаемый, великолепный князь Тавриды,¹¹ создающий новую Россию из ничего!.. Что за величавые образы, что за блеск, что за слава!

Но с этим блеском, с этой славой об руку идут высокомерное полубразование, раболепство, слитое воедино с наглым чванством, корыстные заботы о кармане, наглая неправда и грубое презрение к простонародью...

Но мир вам, деды! Спите покойно до трубы архангельской, спите до дня оправдания!.. Не посмеемся над вашими могилами, как смеялись вы над своими бородатыми дедами!..

I. СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

— Куда как просто живали мы в старину-то, Андрюша. Сравнения нет никакого с нынешними поведением... Затейное было времечко, раздольное да привольное.

Не ломали твои дедушки дворянские головы над всякими науками, зато выхрапку такую задавали по ночам да пообедавши!.. Немного думали, топ ріеоппеау, зато много кушали, и оттого здоровы и долголетны бывали.

А теперь пошли люди тщедушные, и живут не подолгу. А отчего? Мало едят, много думают... Да... Ведь крепкая-то дума кровь портит, топ ссєуг... Да...

А какие здоровенные люди в наше-то время бывали! Генерал-аншефа Михайлу Васильича Пильнева взять... Помнишь, в Ярославле государевым наместником был?.. Он тебя очень ласкать изволил... Как, бывало, ни приедет к нам, тебя на коленки посадит и жалованну табакерку с алмазами даст поиграть... А ты ее один раз и раскокал... Папенька твой за это наместнику серого аргамака отвел, а тебя высек... Нет, постой, топ ссєуг, — перепутала я, это папеньку твоего за табакерку-то высекли... Так... Точно так — Петрушу, не тебя: ты еще тогда не родился... Так вот Михайла-то Васильич... Истинно был человек, можно чести приписать. Бык, сударь мой, быком... Иначе как на софе не садился, а ежели в бальной зале случится ему сесть, так на трех стульях — меньше нельзя... Породист уж очень был... А когда помер, гробовщик так и ахнул. "Этого барина, говорит, в одном гробе не похоронишь". Косяки в наместничьем доме из дверей выламывали, гроб-от чтоб возможно было вынести... А нынче что за люди?.. Мозгляк на мозгляке — смотреть даже неприятно.

А уж простота какая была, Андрюша!.. По чести сказать, ужесть какая простота!.. Хоть бы того же Михайлу Васильича взять! В летнюю пору, бывало, сберутся молодые, иной раз старички, да всю ноченьку напролет и прокуликают. А пили в стары годы, топ ссєуг, беспримерно — не по-нынешнему. Пропивши ночь, под утро с песнями да с музыкой по улицам — да прямо в рубленый Город. Там у Ильи пророка перед наместничьим домом станут да какой-нибудь полонез и грянут. Разбудят, конечно, Михайлу Васильича, он без парика, в одном шлафроке на балкон и выйдет.

— Что вы, пострелы, — крикнет, — с пьяных-то глаз у меня весь Ярославль перебулгачили? Аль под караул захотели?

А те ему:

Мы тебя любим сердечно,
Будь ты наместником вечно!
Наши зажег ты сердца —
Мы в тебе видим отца!

И велит Михайла Васильич ключнику наливку корзинку-другую на площадь вынести... И сам выйдет к гулякам, усядется с ними на краю горы, что над Которостью, да до позднего утра и прогуляют.

Вот ведь и наместник был и генерал-аншеф, а изрядными людьми не брезговал, как теперь попovich какой-нибудь в люди выскочивши... Parvenu,¹² знаешь, этакой, выскочка из подлости... Ух, какой бесподобный был человек Михайла Васильич!.. Ужесть!.. Попробуй-ка нынче, топ вїјоц, так сделать — в самом

деле, пожалуй, под караул угодишь... Как можно сравнивать старые годы с нынешними!.. Гораздо было проще.

Опять Сергея Михайлыча взять — Чурилина. Беспримерный был человек, даром что из солдатских детей. Штатский действительный советник, отставной красногорский губернатор, аннинская лента через плечо — персона, значит, немаловажная. Взявши абшид, доживал свой век у нас в Зимогорске... Покойник твой дедушка с драгунами тогда в Зимогорске на винтерквартирах стоял, там и жизнь-то свою скончал, в синодальном Благовещенском монастыре и погребен... Я уж вдовела, у Ванюши жила, когда Сергей-от Михайлыч в Зимогорск на житье переехал... Изрядный был господин, отменного ума, все уважали его и боялись. У кого дело какое случится — ссора ль домашняя, другое ли что — первым долгом к Сергею Михайлычу. И совет даст и помирят, а ежели кто виноват, и пожурит, да, глядя по вине и по человеку, иного и тросточкой... Всякое дело устроить умел... И за то Сергея Михайлыча все как родного отца любили, «дедушкой» звали, а он всем говорил «ты» и каждого «собакой» звал — не из брани, а любя. Все ручку у него целовали, и дамы, даже *et demoiselles*,¹³ а он руку целовал только у преосвященного, с попами в губы целовался. Без спроса Сергея Михайлыча ни единой дворянской свадьбы не бывало, сын ли у кого родится, дочь ли — имени младенцу отец с матерью наречь не смели, спрашивали, какое будет угодно Сергею Михайлычу. И всех сам крестил — любил крестить, дай бог ему царство небесное. Бывало, и у дворян, и у купцов, и у попов — у всех в кумовьях.

И что ж ты думаешь, *mon сœur*, какая из этого неприятность вышла... Подросли крестники да крестницы, хватить — ан по всей Зимогорской губернии ни одной дворянской свадьбы сыграть невозможно: все в духовном родстве, все одного крестного отца дети. Теперь, слышала я, такого закона уж нет, а тогда очень строго было... Ну, известно которые и повлюблялись друг в дружку, а венчаться не могут. Досталось же тогда крестному батюшке на орехи! Такие поминки сердечному Сергею Михайлычу загибали, что не один, чать, раз икнулось ему на том свете. Делать нечего: стали невест из других губерний брать, а барышень в Москву для замужества возили. С десяток однако ж до того крестными братцами заразились, что с горя да с печали в монастырь пошли... Дуры они были, *mon ргеоппеаи*... По моему рассуждению сущие дуры!.. Не могли разве просто любиться?.. Не правда ль, *mon bijou*?.. А один из крестников с любви али с горя, а думаю, оттого, что в голове сквозная пустота была, в Волге утопился, другой из мушкетона застрелился... Вот что значит крестить-то без пути, Андрюша!.. Поэтому я и не крещу никого... Сохрани господи!..

А все-таки Сергей Михайлыч отменный был человек. Таких людей, радость моя, в нынешнее время сыскать невозможно. В старину-то ведь, *mon petit*,¹⁴ люди бывали беспримерно лучше, чем теперь... Как можно!.. Что теперь!.. Важности нет. Ужесть как неловко все выделаны, и так темны в свете, такая у всех теснота в голове, что просто умора... Ужесть, просто ужесть!.. Разночинцами какими-то все глядят... Право!.. Беспримерно, как смешны!..

Не так, *mon сœur*, в наше время живали. Бывало, ни один дворянин лицом в грязь себя не ударит, всяк свою честь бережет строго и с подлой сволочью якшаться — ни за что, бывало, не станет, а теперь... Ох-ох-ох-охо!.. Нынче барин из знатного, родословного рода с мещанином аль с кутейником на одной ноге

себя ставит — он, дескать, ученый. Да коли он ученый, так ученость его пушай при нем и остается, никто у него ее не отнимет, — да в дворянский-то круг ему подло-рожденному зачем лезть?.. Место, что ли, ему там?.. Поверь ты мне, mon сœur, ежели какой человек рожден в подлости, будь у него ума палата, с неба звезды хватай, все-таки dans la societe des gentilshommes¹⁵ быть ему не следует. Дворянство тем роняется, mon cher, l'aristocratie se tombe... Ты это пойми, mon pignonneau... Нельзя же, mon ami, об этом не подумать. На этом все держится.

— Бабушка, да ведь сами вы говорите, что Сергей-от Михайлыч из солдатских детей был... Как же вы у него ручку-то целовали?

— Ах, Андрюша, Андрюша! Как ты этого, дружок мой, сообразить не можешь?.. Тут совсем иное... Сергей Михайлыч — штатский действительный советник, отставной губернатор, аннинская лента через плечо, две тысячи душ. Тут уж une autre position dans le monde.¹⁶ Мало ли что! И Меншиков оладьями торговал, и Шафиров в лавке сидел, и Разумовский на клиросе пел, однако ж какими вельможами стали... Тут, mon cher, милость божия, а больше того — la faveur de la cour...¹⁷ Кто взыскан и вознесен, к тому, в какой бы подлости он ни родился, хоть бы от самого последнего холопа, — подлость льнуть не может... Навсегда омыт такой человек от первородного греха подлости рождения... Да... Сергей Михайлыч роду хотя был не шляхетного, однако ж в люди вышел, на службе разбогател, выгодно женился, дослужился до генеральства... А все умом. Отменно умный был человек: во всяком умном человеке умел сыскать себе милостивца. Сначала сам ручки у всех целовал, потом у него стали целовать... Вот это и называется ум... Да, mon сœur, это настоящий ум, не такой, что у нынешних умников проявился... Посмотришь теперь: сам-от медной полушки не стоит, а рыло кверху гнет по-рублевому... Плечочкой бы их, mon petit, — по-старинному, либо кнутиком... На истинную дорогу беспременно бы вышли. А то смотреть даже неприятно.

А стал Сергей Михайлыч в люди выходить после женитьбы. А женился в пугачовское замешательство, он в ту пору был в Чернорецке воеводой... Когда злодеи на его город нагрянули, задал он, сердечный, тягу... В лесу схоронился и царску казну с собой захватил, oprич медных гривен да пятаков сибирского дела — большущие были монеты — из гривны-то порядочную кастрюлечку можно было сделать... А нынче — поневоле вздохнешь да поропщешь иной раз — и денег-то таких не стало — перевелись... Все-то измельчало, все-то, mon сœur, измалодушествовалось... Прежние-то люди какие здоровенные были — пни дубовые, а нонешни — хлысты вербовые... Да... Ну так вот, Сергей-от Михайлыч тяжелу-то казну с собой и не взял — захватить-то ее было не под силу, серебряную казну зарыл в землю, и в лесу от сущих злодеев отсиделся. А не уйти из города ему было никак невозможно, для того, что сила у него была невеликая, да и не больно надежная, а у государственного злодея ратной силы было видимо-невидимо. Пугач в Чернорецке недолго канальствовал, царицына сила по пятам за ним шла, для того и навострил он лыжи за Волгу. Только-что из Чернорецка злодей вышел, Сергей Михайлыч в город... Сызнова на воеводство сел, чтоб, знаешь, настоящие порядки вести... Тут его сердечного плетьми взодрали.

— Как так, бабушка?

— Да так, mon сœur, выдрали да и все тут... По ошибке... Такое сумятное

время было. — То ли еще по ошибке-то случается, mon enfant!.. А с Сергеем Михайлычем видишь как это приключилось. Только-что он на воеводство-то съезнова сел, глядь, ан с Караульной горы конница, да все казаки. Переполох в городе поднялся, думают, Пугач воротился, бегут кто куда, сломя голову, Сергей Михайлыч в огород да в горохе и схоронился. Однако ж его отыскивали и к казацкому начальнику сердечного приволокли. А начальник-то еле на коне держится — пьянехонек. Спрашивает Сергея Михайлыча:

— Кому служишь?

А Сергей Михайлыч поглядел-поглядел на его пьяную рожу, думает себе: "Гусь-от не кто другой, как пугачовец. Дай надую шельмеца, а то еще с пьяных-то глаз повесит, пожалуй". Да и брякнул:

— Служу великому государю Петру Феодоровичу.

Только-что молвил он это слово, на кобылу его да в плети. Ста полтора вкатили да в тюрьму посадили. А тот казацкий начальник вовсе был не пугачовец, а царицын — из Михельсоновых полков. И как он к утру-то проспался да узнал, что во хмелю царицына воеводу выпорол, — пошел к нему в тюрьму *alleguer rosig excuse...*¹⁸ А это он родного дядю плетьюми-то вздул... Слово за слово, разговорились... и вышло, что казацкий-от начальник племянником родным Сергею Михайлычу доводился... Да...

Зато после, когда Сергей Михайлыч при уголовных делах находился и когда губернатором был, как ни подадут приговор о кнуте аль о плетях, завсегда на половинку сбавит, да тому, кто подает, беспременно примолвит: "Тебе, собака, легко приговор-от пером на бумаге писать, а как станут его на спине кнутом подписывать, так не тебе небо-то с овчинку покажется. Ты, собака, не можешь понимать, что такое кнут да плети, а я, по милости родного племянничка, отведал, каково они вкусны... Не роди на свет мать сыра земля!"

После того, как его высекли, женился он по скорости. Пали ему слухи, что недалеко от Чернорецка, в селе Княжухе, молодая вдова бедствует, Марья Семеновна Жилина, а родом Болтиных была. Мужа-то у нее злодеи повесили в ихнем селе Енгальчеве, а сама она с четверыми детьми, мал мала меньше, в овине как-то ухоронилась. Жилинская вотчина была немалая, — дворов под тысячу, а жить Марье Семеновне негде: барский-от дом Пугач спалил, а у мужиков жить побавивалась. Очень были они тогда неспокойны... Сергей Михайлыч послал к ней для береженья капрала с солдатами и звал ее на житье в город. Приехала Марья Семеновна не в газетах, не в бархатах, а в бабьей поняве да в кичке, детки-то — Захар Михайлыч, Дмитрий Михайлыч, Сергей Михайлыч, да еще, кажись, Петр Михайлыч — все в пестрядиных рубашонках. Отвел воевода Марье Семеновне с детьми квартиру самую лучшую, одел ее с ребятишками, поил, кормил на свои кошт, покуда не затихло замешательство. А потом — женился на ней и зажил барином. У нее и достатки хорошие и родство хорошее; а у него место доходное, стало-быть, и можно было жить складно.

Взявши абшид, Сергей Михайлыч стал в Зимогорске жить. Тогда уж он овдовел. Жил один, а в доме завсегда было ладно... Каждый божий день открытый стол для званных и незванных и какой есть час, какая минута — без гостей Сергей Михайлыч не обходился. Очень его любили... и побаивались. И нельзя было его не любить, нельзя и не бояться, — в Петербурге рука была сила сильна — с самими Орловыми смолоду в приятельстве был. Прежде чем фортуны они себе

сделали, по трактирам с ними куликал да на кулачных боях забавлялся.

Дом у Сергея Михайлыча в Зимогорске ужесть какой большой был, ровно дворец какой... Как-бишь, улица-то прозывается?.. Да ты должен помнить, Андрюша... Тут еще неподалеку архиерейский дом, у Тихона-чудотворца в приходе, помнится мне.

— Да ведь я, бабушка, в Зимогорске-то никогда и не бывал.

— Что ты дурачишься, *mon petit*... Как это ты в Зимогорске не бывал?.. А забыл, как у Сергея Михайлыча на именинах либо на его рожденьи, хорошенько не запомню теперь, ты с Лизаветой Соболевой вальс-казак танцевал да из озорства робу ей разорвал? Тебя, раба божия, тут же в угольную свели да и высекли... Что?.. Этого, видно, не помнишь?

— Да когда ж это было, бабушка?.. Что вы?

— Давно, *mon сœur*... Полагаю, не в том ли году, как граф Калиостро в Петербург приезжал.

— Да ведь этому больше пятидесяти лет, бабушка, а мне и двадцати нет...

— И в самом деле, *mon pigeonneau*, — удивилась бабушка. — Правду ты сказал... Так знаешь ли что?

— Что, бабушка?

— Это твоего папеньку высекли, Петрушку... Так, точно; вспомнила я теперь — доподлинно Петрушу... Какая однако ж память-то у меня стала, дружок, — все-то я забываю... А кажись бы, какие еще мои годы?.. Про что, бишь, я говорила, Андрюша?

— Да, про Сергея Михайлыча. Бесподобный был мужчина, — во всем изрядный господин. Старехонек был, а любил с дамами поферлякурничать, — не ставил того во грех, царство ему небесное!.. Ужесть какие, бывало, гнилые взгляды кидает да томные вздохи пущает... Право, если б маленько был помоложе, каждой бы из нашей сестры, до кого ни доведись, можно бы было с ним досмерти залюбоваться... По чести, все мы были до Сергея Михайлыча охотницы... *Je vous assure*,¹⁹ даром что седой, а *les grands succes*²⁰ между нами имел... И как славен был, когда, бывало, зачнет с дамами дурачиться... Ух! как славен!.. Беспременно... *С les demoiselles* не любил — визгу, говорит, от них очень много — все, бывало, с дамами, с замужними... Из нашей сестры каждая тотчас готова была падать и задураться с ним до безумия... Старенек только был: бывало, и толку всего, что языком поболтает, да разве-разве когда рукам волю даст... Уж, как, бывало, любил он нашу сестру, *tete-a-tete*,²¹ конечно, *de tater, de toucher sonder*...²² Ах, как было утешно!.. Помнишь, *mon сœur*?.. И на чужие амуры любил посмотреть и много помогал... Ах, как любил покойник об амурах козировать,²³ ах, как любил!.. Бывало не токма у мужчин, у дам у каждой до единой переспросит — кто с кем «махается», каким веером, как и куда прелестная нимфа свой веер держит...²⁴ Будь молодая, будь старая, в девках сиди, замуж выдь — ему все одно... Игуменью увидит — и ту расспросит, с кем и как... *Dans la haute societe*²⁵ все благородные интрижки знал до тонкости... Очень это было занятно Сергею Михайлычу.

А радушный какой был, гостеприимный. Летним вечерком, бывало, выпавшись после обеда, наденет белый камчатный шлафрок, звезду к нему пришьит, кавалерственную ленту через плечо, да за ворота на улицу и выйдет. Там на лавочке, что у калитки, усядется... И тросточка при нем, никогда с ней не разлу-